
Расплата за душевное спокойствие длилась около трех часов. Олден совершил жертвоприношение три раза, отдавая долг за каждую цепочку, которую он использовал для сна в машине. Затем, поскольку физически он еще не упал и его тело все еще функционировало, пусть плохо и болезненно, он использовал ее в четвертый раз.

В какой-то момент он собирался насладиться тем, что в банке осталась положительная половина.

К тому времени, когда четвертая стала заканчиваться, он уже больше шатался, чем шел. Все так чертовски болело, что даже страх уже не мог заставить его двигаться.

Он попытался сосредоточиться на ауриаде. Подарок Кибби был постоянным источником утешения, спрятанный под рубашкой у него на груди. Это была единственная вещь в мире, которая теперь казалась приятной.

Его тело было разбито. Его власть не восстанавливалась. Совсем. Вся новая власть, которую он создал, все еще существовала... но она была слишком сильно вытеснена... или что-то в этом роде. Власть устала. И он сам устал. Он не мог прогнать хаос. Он чувствовал, как что-то проникает сквозь него, чтобы покуситься на его умения и черту, связанную с ним.

Теперь, казалось, даже это было под угрозой разрушения. Олден продолжал работать над этим. Так сказать, держал пальцы намертво прижатыми ко всем кнопкам включения машины.

Но это становилось все труднее.

Он задумался, было бы лучше или хуже, если бы он не чувствовал машину. Он мог предположить, что все пойдет по-другому.

Может быть, Избранный, не способный сознательно ощутить навык, не смог бы заставить его работать в этой ситуации. А может быть, и сможет, и даже не узнает, что испытывает эту уникальную боль.

Олден никогда раньше не испытывал боли, когда чувствовал то, что большинство людей называли "истощением навыка".

Он просто... как бы замирал.

Однако навык стал сильнее, чем был. Намного сильнее.

Он вспомнил, как несколько месяцев назад на волосы Кибби упала одна-единственная крупинка демонического кузнечика и заставила его пошатнуться.

Он знал, что это был прямой удар по умению, нанесенный существом, которое на самом деле усиливало хаос. Но ему казалось, что теперь он справится с этим гораздо легче.

Он был уверен, что раньше навык не смог бы сохранить другого человека в течение нескольких дней. А теперь мог. Даже здесь, в этом враждебном месте, где Олден разваливался на части.

По крайней мере, четвертый уровень, подумал он. Если к этому моменту он не будет хотя бы на нем, я буду спорить с Системой о ее способностях как оценщика.

Он шагнул не туда. Его лодыжка подвернулась.

Такое случалось и раньше, но в этот раз все было настолько плохо, что он на мгновение отвлекся от сосредоточения на навыке и атаке хаоса, вернувшись в свое измученное тело.

Без его внимания черта отключилась.

Она просто отключилась без его разрешения. Даже несмотря на то, что он все еще нес Кибби.

Его ноги на дюйм погрузились в мягкую грязь.

Да. Это хуже, чем плохо, устало подумал он, поднимая ногами землю и песок. Надо как-то поддерживать силу воли и концентрацию. Нагрузка на надпочечники с обратным спокойствием не поможет.

Он так устал, что его зрение стало туннельным.

Он посадил свой последний распылитель. В прошлые два раза он работал плохо, и в этот раз тоже не вышло. Вода просто капала по пластиковым бокам, и ему пришлось долго ждать, пока его сумка наберет достаточно воды, чтобы сделать приличное количество для питья.

В этот раз этого не произошло.

Он набрал жалкую чашку, прежде чем она окончательно закончилась. Олден выпил ее, сохраняя во рту последний глоток, и стал шарить пальцами, которые когда-то были довольно ловкими, в поисках самого последнего средства. Он достал маленький серебряный флакончик с таблетками и высыпал содержимое на ладонь.

-Это не даст тебе вырваться. Эта не даст тебе потерять сознание. Эта временно прививает от

лихорадки Тетит, а последняя делает вас неспособным воспринимать физическую боль.

Он все еще помнил их все.

Он отказался от Тетской лихорадки. Кибби сказала, что на Луне Тегунд ее вообще не существует, так что кому она нужна?

Он бросил три оставшиеся таблетки в рот и проглотил их, запив водой. Эффект наступил меньше чем через минуту.

Как он и помнил из поездки в больницу со Стюартом, артонанцы умели накачивать людей медикаментами.

Его зрение стало нормальным. Он мог выпрямить позвоночник без мучений, связанных с растяжением нескольких мышц. Он мог полностью нагрузить лодыжку, которую, как он был уверен, только что вывихнул.

Он чувствовал себя нормально. Физически.

Если бы у него не было здравого смысла и власти, он бы подумал, что ему подарили чудо исцеления в бутылке.

Но у него была власть, поэтому, несмотря на то, что в одном смысле он чувствовал себя прекрасно, в другом он чувствовал себя дерьмово.

Он легко сделал несколько шагов вперед, пытаясь вернуть Лазурного Кролика в строй. Давай, давай, подумал он, надавливая на ту часть своего привязанного авторитета, которая принадлежала черте. Ты делаешь только один трюк, так что давай лучше сделай его.

Без нее прогулка будет очень медленной.

Может быть, настаивать это не то, что нужно, подумал он. Может быть, это больше...

Он попытался представить себе, как была устроена эта черта. То, что Система создала для Олдена. Он уже давно раздраженно ковырялся в ней, возмущаясь, хотя и понимал, что она ему нужна. Поэтому, присмотревшись, он понял, что пошло не так.

Она была не просто выключена. Она была слегка перекошена.

Это не могло исправить ни впечатление, ни позитивное мышление.

Сама черта ослабла и шаталась. Она не хотела восстанавливаться. И теперь, когда Олден рассматривал ее, освободившись от бремени множества телесных болей... это была большая трещина в его общей стабильности, и эта трещина становилась все глубже.

Нехорошо.

Должен быть способ придать моей власти правильную форму. Например, чтобы заполнить пустые места, когда я создаю узоры с помощью ауриады. Я знаю, что не могу изменить черту, но попытка исправить то, что уже есть, утверждая ее существование намеренно, должна быть выполнимой, верно? Например...

Он сделал еще один шаг, и его нога наконец-то коснулась земли так, как он хотел.

-Ха! - сказал он хриплым голосом, делая рывок вперед. -Олден теперь может колдовать осмысленно. Он Избранный с обучением по программе "Для детей волшебников".

Конечно, он был под воздействием инопланетных наркотиков и говорил о себе в третьем лице. Но это все равно было впечатляющим достижением.

Самое приятное и неприятное в том, что Олдону стало немного лучше, и у него действительно хватало здравого смысла, чтобы снова думать.

Он мог ясно представить себе все ужасные вещи, которые ждали его впереди.

Самым страшным, безусловно, была мысль о том, что произойдет, когда он потеряет сознание. Он был уверен, что, когда действие наркотиков закончится, он, в конечном счете, потеряет сознание надолго. Навсегда.

Кибби придется это увидеть.

Он не хотел этого для нее. Но он больше ничего не мог сделать, чтобы этого не случилось.

Поскольку бежать больше не было больно, он бежал.

Звуки "ух", "ух" раздались снова. Гораздо громче. Теперь он отчетливо видел, как трясется земля. Почва каждый раз подпрыгивала вокруг него.

Вдали, на краю горизонта, небо выглядело странно. Слишком темным. Словно приближающаяся гроза на луне, где ее никогда не было.

Проходили часы. Звуки прекратились.

Грозовые тучи становились все ближе.

Олден позволил своему телу двигаться так, словно оно не было подвержено разрушению, и сосредоточил все свое внимание на отработке своей черты и своего умения.

Больше он не обращал внимания даже на себя. Он должен был остановиться. Он должен был определиться. И он выбрал только эти две вещи.

Они казались чем-то, что Система взяла у Олдена и вписала в реальность. Они приковывали его. Он никогда от них не избавится. Но если они были единственным, что удерживало его здесь и сейчас, он мог положиться на них.

Они продолжали шататься и трескаться, а он продолжал их укреплять.

У кого есть слова для более твердого существования?

Я. Сейчас. Кажется.

Многое может измениться за короткое время, я думаю.

Он чувствовал, как бешено колотится его сердце, словно желая вырваться из тела. Он задыхался, словно легкие просили у него воздуха. Под плащом его одежда была мокрой, и он не был уверен, пот это или кровь.

Но ничего не болело.

И он подумал, что, возможно, эта буря и есть его цель.

Поэтому он не остановился.

<http://tl.rulate.ru/book/87654/3276324>